

**ВЛАДИМИР ИВАНОВ-АРДАШЕВ:
«С КНИГИ, СЛОВА ВСЁ НАЧАЛОСЬ.
СЛОВОМ И КНИГОЙ ВСЁ ЗАВЕРШИТСЯ»**

Хабаровский журналист, историк, писатель Владимир Иванов-Ардашев, в отличие от многих коллег, может назвать себя счастливым. Перечень написанных (а главное — изданных) книг постоянно пополняется: в начале 2018 года вышел роман «Берег абсурда», спустя два года автор обрадовал читателей

сообщением о выпуске новой книги. Интернет повышает публикационную активность (критерий востребованности, который быстро стал одним из важнейших) автора, позволяя читателям всего мира знакомиться с научными и публицистическими работами Владимира Васильевича. А благодаря социальным сетям он может получать отклики читателей каждый день.

О том, как писатель выбирал профессиональную нишу, о книгах и роли архивов в истории мы с Владимиром Ивановым-Ардашевым беседовали в зале Дальневосточной государственной научной библиотеки, частым гостем которой он является.

— Владимир Васильевич, вы работали и корреспондентом, и редактором газет, и сотрудником музея, и археологом, теперь известны как писатель. Это сферы схожие, но каждая со своей спецификой. Как вы выбрали профессию?

— Интерес, любовь к делу — это самое заветное, что есть в жизни любознательного, творческого человека. Это то, что заставляет его работать, изучать, узнавать всё больше и больше. История, археология — моя первая любовь. Интерес к этим наукам появился в детстве, и я пронёс его через всю жизнь. Увлечение древними цивилизациями дарит мне свободу. Как бы ни складывались жизненные обстоятельства, археология — та ниша, где можно уединиться, помечтать, вспомнить, узнать не только о прошлом, но и сделать прогнозы на будущее, ведь история повторяется.

Журналистика сначала была профессией, которая даёт хлеб насущный. Потом уже стала интересным и сложным делом всей жизни. Опытные журналисты помнят, что раньше не было специализации, приходилось писать обо всём: об экономике, о сельском хозяйстве, об ударных стройках. Темы были разные — интересные и обыденные, даже скучные. Постепенно я начал понимать, что моя тематическая ниша — краеведение. И стал писать «для души». Материал накапливался, складывались наброски к будущим книгам — очерки, публицистика. До выхода в свет первого романа об археологах я выпустил семь или восемь публицистических книг. Собрать материал для них помогла журналистская и археологическая работа.

— Местное краеведение и археология — эти два увлечения не противостоят друг другу?

— Как историк, я интересуюсь даже больше, чем Приамурьем, историей Древнего Египта, Месопотамии, Ближнего Востока в целом. В Приамурье нет таких «роскошных» памятников археологии, как на Востоке. История нашего региона слабо изучена и сравнительно невелика, но интересна.

Некоторые историки не любят, когда их называют краеведами. Мол, я — профессионал, я серьёзно изучаю выбранную тему. А краеведение — слишком неглубокая ниша. Я отношусь к этому очень просто. Не считаю исследования краеведов более скромными, чем у историков. Это особый круг интересов, и тоже очень важный. Тем хватило и хватает всем.

— Не исчерпают ли себя эти профессии?

— Когда в Хабаровске открывался музей археологии, один мальчик меня спросил: «Что будет, когда вы, археологи, пооткрываете все памятники?» Я ответил, что все древние артефакты никогда не будут найдены. Это, во-первых. Во-вторых, археология сама себя воспроизводит. В этой науке есть разные направления: промышленная, военная и другие. Время идёт, рушатся здания, города, промышленные предприятия. Находки из этих мест тоже очень интересны. Военная археология — направление, связанное с исторической памятью.

Через тысячу лет археологи будут так же работать, профессия не исчезнет. Общество будет развиваться, археология тоже. Это самая возобновляемая наука.

— Археология интересна многим, но работают в этой сфере единицы. Почему?

— Из-за специфики работы. Это очень тяжёлый труд, к тому же печальный. Людям циничным, жестоким или равнодушным в археологии места не должно быть. Например, военно-исторические, поисковые клубы каждое лето выезжают

в экспедиции, работают на местах боёв Второй мировой войны. Такая работа требует большей выдержки, чем исследования древних артефактов. Ведь, допустим, черепа древних людей не вызывают чувства недавности. Я держал в руках черепа людей, погибших недавно (с исторической точки зрения), и черепа, которым много сотен лет. Совсем другое восприятие. А находить и описывать артефакты, по времени более близкие к нам, — это работа не для слабонервных.

Для занятий археологией нужен дар Божий, интерес к этой теме, иначе не выдержать рутины. В первые дни экспедиций происходит моментальный отсев. На раскопки приезжают ребята, которые начитались книг, посмотрелись фильмов. Им кажется, что сейчас и мумии будут, и сокровища. А поработают день-другой, особенно в дождливые дни и без каких-либо находок, и интерес пропадает.

— В экспедициях, наверное, и времени, и сил для творчества нет?

— Это не так. Среди археологов очень высок процент творческих людей. Большинство очень хорошо рисует, это даже профессиональная особенность археологов. Они — очень хорошие фиксаторы находок. Археологи и реконструкцией занимаются, и рукоделием. Всё это помогает представить находки более интересно, выигрышно.

В экспедиции условий для творчества, конечно, нет. Но по возвращении впечатления воплощаются в экспозиции, книги — или публицистику, или художественные. Академик Окладников писал интересные публицистические, а не только научные книги. Процент писателей, вышедших из археологов, весьма высок.

— Как вы стали писать книги? О чём пишете сейчас?

— Обычно писатели стараются не озвучивать темы произведений раньше времени хотя бы потому, что автору неинтересно становится работать. О сюжетах будущих книг я не говорю никогда. Одна из тем, которой я долго занимался, — эмигрантская литература. Интерес к ней идёт от моего личного опыта, опыта моих знакомых или людей, которые были знакомы с писателями-эмигрантами. Позднее они стали персонажами моих книг. «Эхо русского зарубежья» и «Злой рок чужбины» — одни из первых моих изданий. Они содержат переписку с несколькими писателями-эмигрантами. С этой переписки начался мой профессиональный интерес к теме восточной ветви русского зарубежья.

— Кто они — ваши герои?

— Например, Валерий Юрьевич Янковский. Историки и литераторы хорошо знают эту фамилию. Это была целая династия хозяйственников на юге Дальнего Востока. Мне повезло переписываться с Валерием Юрьевичем. А в Приморье я знал тех, кто был с ним в родстве или в очень хорошем знакомстве.

Валерия Янковского сложно назвать писателем. Он, скорее, очеркист и публицист. Я одним из первых докопался до моментов его биографии, можно сказать, открыл для своих современников эту фигуру.

Работа архивиста специфична тем, что огромные массивы материалов могут лежать не востребуемыми до тех пор, пока не появится человек, который буквально по одному слову, по одной запятой поднимет целый пласт ассоциаций и тем.

— Почему так важно поднимать архивы, рассказывать о тех, чьи документы хранятся в фондах?

— Это очень важно. Память — самое сокровенное, нужное, то, что человека делает человеком. В разные времена правители пытались стирать память народов, искажать историю. К счастью, она многотемна, многообразна. Информация, артефакты не хранятся в одном месте. Даже если книги где-то когда-то бросали в костёр, их копии могут найтись в другом месте, а информация, которую они содержали, сохраниться в других источниках. Например, античные рукописи в переводах и оригиналах сохранились на Ближнем Востоке, в Северной Африке. Российские ценные документы пережидали Смутные времена в Европе.

Архивные материалы — это память поколений. Человеческая память избирательна, документы лгать не умеют. Ещё в древние времена архивистов, писцов называли жрецами памяти. Это была почитаемая, уважаемая профессия. В Древнем Египте писцы в иерархии стояли на самом верху, уступая только главным жрецам.

— Как вы думаете, стоит ли переживать из-за того, что на смену печатным книгам приходят электронные?

— Сейчас многие говорят, что пришла электронная эпоха, бумажные книги исчезают. Даже говорят, что профессия писателя больше не нужна. Но технологии — это фантики, фон, форма, и не более того. На чём книги пишутся — на глиняных табличках, пергаменте, бересте, шёлке — не имеет значения. Меняется формат, подача, но информация остаётся. С книги, слова всё началось. Словом и книгой всё завершится. К книге и памяти, запечатлённой в слове, необходимо относиться очень уважительно.

— Какое пожелание для вас было бы самым радостным?

— Хотел бы пожелать себе и многим коллегам побольше здоровья, ясности ума и чтобы окружающие лучше относились к писателям.

*Беседовала Е. С. Давыдова.
Фотография Е. С. Давыдовой.*